

Пролог

1996

ДЖОРДЖТАУН, ШТАТ ТЕХАС

Тук, тук. Тук, тук...

Я резко перевожу взгляд с симпатичной девчонки в углу (она у нас новенькая, сегодня первый день) на переднюю часть класса, где, сведя остренькое лицо в брюзгливую гримасу, постукивает по столу указкой сестра Мэрион. Злится и брюзжит она почти так же часто, как мой отец.

— Ну, хватит тараторить, — выговаривает она чеканным голосом. — Развели тут птичий базар... Мы здесь не за этим, а затем, чтобы воздавать должное нашему Господу, используя для этого свои умы по полной. Ну-ка, как нужно использовать свои умы, а? Вопрос ко всем!

— По полной, сестра Мэрион! — торопливым нестройным хором отвечает класс.

— Вот так-то. — Она милостиво кивает. — Чего ни в каком случае не достичь, если не проявлять внимательности. А какая уж тут внимательность, когда ваши рты несут что попало... Говорить же нужно взвешенно, продуманно и дисциплинированно.

Она усаживается за свой просторный деревянный стол, укладывая указку сверху. Уф-ф... Как я ее ненавижу, эту указку.

— Итак, — возглашает сестра Мэрион, — сегодня мы приступаем к разделу поэзии.

Она открывает хрестоматию и затягивает что-то рифмованно-заунывное. Скукотища. Бе-е... Непонятны даже слова, что пузырятся у нее на губах.

Веки у меня тяжелеют, трепещут от вязкого зова дремоты. Я борюсь с ней, как могу, но подбородок все равно не слушается и никнет, вместе с головой обвисая на грудь. Приходится подпирать щеку рукой. О нет! От толчка адреналина я встряхиваюсь и вскидываю голову. Сердце мечется в страхе, что меня подловили. Но сестра Мэрион смотрит не на меня, а в книгу, декламируя очередную нудятину. На меня накатывает облегчение; при этом я отчаянно пытаюсь оставаться начеку и делаю единственное, что наверняка удержит меня от засыпания.

Мой взгляд исподтишка вновь скользит по симпатяшке с веснушчатым личиком, обрамленным рыжими кудряшками. Я хмурюсь. По виду она заметно старше любого из нас. Лет, наверное, двенадцать или тринадцать, когда нам здесь всем по десять-одиннадцать. Что ее, интересно, сюда занесло? Неужели второгодница? А ее папаша такой же злока, как мой, и суется в успеваемость, тоже вроде моего?

— Генри Оливер!

Мое имя! А следом «тук» указкой по моему столу.

Я чуть не вскакиваю. Сердце во мне тоже скачет, примерно как от отцова крика, когда он реально заводится. Сдавливая дыхание, поднимаю глаза и вижу над собой нашу классную.

— Сестра Мэрион?

— Отрадно, что ты хотя бы в этом году заучил мое имя, — с ноткой ехидства говорит она.

Класс взрывается смехом, а мне глаза щиплют слезы смущения. Но плакать нельзя. Отец у меня говорит, что плач — это для сосунков. За что их и лупят.

— Ну хватит! — бросает сестра Мэрион, и все мгновенно поджимают хвосты. Теперь в классе тишина, но все смотрят на меня, включая нашу классную. — Мы здесь не затем, чтобы пялиться на хорошеньких девочек, Генри, — выговаривает мне она. — Да-да, я видела, как ты засматривался на нашу новенькую.

Меня продирает колючий стыд. О боже, только не это! Господи, господи, пронеси... Зачем ты так со мной... Ужас как тянет рвануть с места и выбежать прочь из класса.

— Мы здесь не за этим, — еще раз повторяет классная. — А затем, чтобы чтить своими мыслями Господа. Вы со мной согласны, молодой человек?

— Да, сестра Мэрион, — я торопливо киваю.

— Ну так заставьте же вашего Отца Нашего гордиться вами, — говорит она повелительно. — Чтение стихов сегодня мы начнем с вас. Прошу.

Меня обдает ознобом. Только не это...

— Вы хотите говорить с моим отцом, сестра Мэрион?

— Я имею в виду Отца Нашего, Иисуса Христа. С ним вы сейчас и будете разговаривать. Прошу за мной.

Повернувшись на своих «лодочках», она шагает через класс и усаживается за свой стол.

— Ну?

Все взгляды устремлены на меня, а я, чтоб не уронить очки, подпихиваю их пальцем на переносицу. При этом рука по-глупому дрожит, и это, наверное, заметно ребятам из класса. Конечно, заметно. Все за мной наблюдают, ожидая, чтобы снова посмеяться надо мной. На ослабевших ватных ногах я встаю — выбора-то нет, — впиваясь изнутри ногтями в потные сжатые кулаки.

Два шага вперед. Три. Все хорошо, не дрейфь. Четыре. Я наступаю на волочащийся шнурок своего ботинка и неудержимо грохаюсь о бетонный пол голыми коленками. Класс снова взрывается смехом, а мне кажется, будто я ухожу в песчаную зыбь, как недавно в каком-то фильме. Вот бы здорово, ну просто реально, и прямо сейчас... Я выпрямляюсь, а перед глазами плавают круги; комната то появляется, то исчезает. Краем уха я слышу, как о стол сестры Мэрион непреклонно стучает указка. Каждый мой шаг — тяжелое шарканье, словно я бреду по речке возле моего дома (оно бывает, когда отец приходит домой податый и начинает орать).

Я уже почти дошел, когда терпение у сестры Мэрион лопается, примерно как у моего отца.

— Ну же! — Она хватает меня за руку и властно дергает, разворачивая перед классом. Сует мне в руки крестоматию и командует:

— Читай! Все по порядку: название, имя автора...

Я чувствую, что мучительно краснею. Щеки рдеют, раздуваются, что твои яблоки: верный признак смущения. Затем иду пятнами, краснота расплзается по шее; вид глупее некуда. Надо с этим покончить — ну-ка давай, не красней!

Я прокашливаюсь и звонко объявляю:

— «Мечты»! Автор Лэнгстон Хьюз¹.

При этом оглядываюсь на сестру Мэрион: не брякнул ли чего невпопад. Но та одобрительно кивает.

Кто-то хихикает, а какой-то вредина на задах класса орет:

— Жиртрест в форму не влазит! Сейчас обделается!

— Ничего я не обделаюсь! — кричу я в ответ. — А не влажу, потому что у мамы с отцом на новую пока денег нет.

— А ну тихо! — Сестра Мэрион грозно потрясает указкой. — Я там сейчас кому-то устрой! Еще слово, и кто-то у меня будет писать «Отче наш» раз двадцать после уроков! Продолжай, — кивает она мне.

Я втягиваю воздух и выдавливаю его наружу, заклиная себя не плакать. «Я не толстый. Не толстый». И снова смотрю в книгу, готовый на все, лишь бы поскорее сесть обратно. Читать я начинаю медленно, шаг за шагом, чтобы не ляпнуть что-нибудь не то:

Держись мечты –
Ведь если грезы почиют,
Жизнь боле не полет,
И дни ко дну гнетут.
Держись мечты –
Ведь если грезы схлынут...

---

¹Джеймс Мерсер Лэнгстон Хьюз (1902–1967) — американский поэт, прозаик, драматург и колумнист; известен как один из ведущих и влиятельных писателей культурного «Гарлемского ренессанса» и первооткрыватель «джазовой поэзии».

Дальше у меня не выходит. Слова кажутся непомерно громоздкими, и я на этом стопорюсь.

— Молодец, — неожиданно хвалит сестра Мэрион и хлопает в ладоши. Я выдыхаю в облегчении. Она даже не заметила, что стихотворение я прочел не полностью. — А почему это класс не хлопает вместе со мной?

Все хлопают, кроме той рыженькой и того острослова. Что-то я его не знаю — видно, тоже новенький.

Сестра забирает хрестоматию.

— Ступай на место, — велит она.

К своему месту я не прочь и бежать бегом, но боюсь снова зашнуриться. А потому иду шагом — очень осторожным и осмотрительным, а на свою скамейку усаживаюсь под хихиканье у себя за спиной. Сердце стучит где-то в ушах, ладони снова взмокли. После уроков меня ждет трепка, как две недели назад, когда этот гад Николас отжал у меня обед. Отец тогда чуть с ума не сошел... Называл меня «пелоткой». Наверное, что-то неприличное, потому что мама на него нарычала, чтобы он меня так не называл.

Сестра Мэрион приступает к еще одному стихотворению, а я в это время планирую свой побег после урока. За минуту до звонка моя рука придвигает рюкзак, а когда, наконец, раздается звонок, я начинаю действовать: бросаюсь к двери, чтобы побыстрее отсюда убраться — и напрямик домой. Хоть бы отец не сосал нынче свое пиво. Как я его в эти минуты ненавижу! Сквозь скопище своих сверстников проталкиваюсь к выходу, игнорируя гневные надписи в вестибюле: «ХОДИТЬ, НЕ БЕГАТЬ!»

Вырвавшись из школы, припускаю во всю прыть, по минутно оглядываясь. К тому моменту, как добегаю до большого дерева за детской площадкой, я уже задыхаюсь и хриплю. Здесь скидываю свой рюкзак с книгами и облегченно усаживаюсь под дерево. Ну что ж, получилось. Сегодня я не *пелотка*.

— Ку-ку!

Я растерянно моргаю: надо мной стоит Николас, а из-за дерева выходят еще пятеро. Перехватывает дыхание: Николас толкает меня ногой в грудь и выбивает из груди весь воздух. Я хриплю.

— Генри сегодня чуть не обделался. Навалил в штаны, штаники полны...

Пятеро его прилипали начинают нараспев: «Навалил в штаны-ы, штаники полны-ы...»

— А ну почитай нам стишки, — кривится усмешкой Николас, вынимая какую-то книгу. — Я тут прихватил книженцию сестры Мэрион. — Он открывает хрестоматию и запихивает мне в руки: — На, читай.

По щекам у меня струятся слезы (этого еще не хватало).

— Я... я... не могу, — слезливо выговариваю я.

— Можешь, можешь, — усмехается Николас и, отдернув меня от дерева, валит на спину. Затем садится мне на грудь, держит перед собой книгу и что-то там читает.

— Теперь ты, — говорит он, притискивая ее к моему лицу.

Я силюсь втянуть воздух, но его нет. Начинаю снизу давить на книгу и Николаса. Внезапно он исчезает. Я кое-как опираюсь на руки — и вижу, как Николаса лупасит тот новенький. Теперь на спине уже Николас, а новенький оседлал его и осыпает ударами. Смотреть на это я не могу и, вскочив, кидаюсь наутек.

* * *

— Томас Уитакер! Кевин пришел! Пора в школу.

На мамин крик я хватаю сумку с книгами и бегу вниз. Но у двери меня останавливает еще один ее окрик:

— А ну-ка стой, спринтер!

— Ну мама, — протестую я, нехотя оборачиваясь к ней.

Она вытирает руки о фартук и наклоняется, указывая на свою щеку. Я ее целую, и она говорит:

— Ну вот, совсем другое дело. Будь внимательным и молодцом.

— Ладно, — мычу я, и она жестом открывает мне путь к свободе.

Не давая ей удумать что-то еще, я бросаюсь к двери и выбегаю на крыльцо, где внизу у ступеней стоит Кевин, уминая пончик с глазурью. В стремлении оттяпать хоть половинку вкусняшки я коршуном ныряю к нему. Но он со смехом запихивает в рот последний кусочек.

С напускной обидой я смотрю, как Кевин облизывает пальцы.

— Папа завтрак сготовил, — поясняет он. — В смысле, сгонял за пончиками. Люблю, когда мама на работу спозаранку уезжает.

— Козлина, — упрекаю я.

— Да на, — он протягивает пакет с еще одним.

— Значит, не козлина, — исправляюсь я, вскидывая сумку на плечо и принимая дар под отзвуки далеких сирен. — Спасибо.

Мы неспешно идем; сирены между тем становятся громче.

— Интересно, чего это там, — недоумевает Кевин, оглядываясь через плечо, а затем снова на меня. — Наверное, старикан Майклс из магазинчика на углу опять дубасит жёну.

— Или собаку, — высказываю я предположение. — Я слышал, он и собаку свою колотит.

— Да ну! — не верит услышанному Кевин. — Неужто собаку?

Я киваю: мол, чистая правда.

— Своими ушами слышал.

— Ого. — Кевин качает головой. — Это уж совсем хреново.

Я достаю из пакета дареный пончик.

— Вчера после школы тоже хреновато было, разве нет?

— Да уж, — Кевин со вздохом разводит руками. — Я хотел помочь бедняге Генри, но ведь тогда и мне досталось бы.

— Наверное. — Я пробую на вкус глазурь. — Зато тот новенький отличился. Как выскочил... здоровый такой. — Я откусываю кусочек. — Ммм... Пончик классный.

— Правда? — радуется за меня Кевин. — И вид аппетитный. Как у той новенькой, — добавляет он. — Симпатная.

Откусывая еще кусочек, я пожимаю плечами:

— Не знаю. Тебе видней.

— Эй! Э-эй! Э-э-э-эй!

Мы останавливаемся и оборачиваемся, с удивлением видя еще одного нашего приятеля, Коннора. Он бежит к нам, дико размахивая руками.

— Чего это он? — недоумевает Кевин.

— Наверное, обозлился, что мы не зовем его ходить с нами в школу, — предполагаю я.

— Лишний пончик у меня был всего один, — шепчет Кевин. — Что мне ему сказать?

Коннор с разбегу тормозит и подается вперед, тяжело переводя дух.

— Занятия отменили.

Я доедаю пончик и, облизывая пальцы, спрашиваю:

— Сестра Мэрион, что ли, приболела?

— Какое там «приболела»! — Коннор машет рукой. — Я слышал, как мать разговаривала по телефону. Кто-то из нашего класса умер. То есть больше уже не появится. Никогда.

Мы с Кевином враз роняем сумки и в один голос спрашиваем:

— Кто?

— Не знаю, — отвечает Коннор. — А нашли его возле речки.

Глава 1

Наши дни

Я сижу в театральном кафе Остина, штат Техас, подальше от сцены. Недалеко под потолком гудит кондиционер, на форсаже преодолевая жару августовского вечера. Сцена находится по центру. В руке у меня бокал элитного «Макаллана». Не могу отказать себе в этой слабости; как говорится, приверженность к качеству обязывает. Конечно, есть и другие, более доступные сорта виски, но когда я один, без семьи, то нет необходимости изображать из себя благоверного супруга и отца (роль обременительная, но необходимая для соответствия высшей цели, на которую надлежит равняться).

Со своего места я неспешно оглядываю участников нынешних поэтических чтений. Примерно двадцать голов, разномастных в плане пола и возраста: вон той молодой лет шестнадцать, не больше, а этот поношенный типчик наверняка разменял седьмой десяток.

Местечко вполне себе уютное. Я неторопливо прихлебываю виски (вкус — приятный оттенок дуба, с жарким пощипыванием на языке). Между тем к микрофону подходит Майкл Саммер. Темный шатен, скрупулезно соответствующий моему умозрительному имиджу. Рост под метр девяносто (рядом с ним мне за свои метр семьдесят семь как-то даже стыдно), в очках и «бабочке», оттеняющей застегнутость пуговиц. Похвальное внимание к нюансам, особенно с учетом его роли в качестве сегодняшнего ведущего; можно сказать, повышает планку ожи-

даний. Кто знает — может, он окажется настолько хорош, что укрепит свое реноме до роли постоянного ведущего...

Пристальным взглядом он сканирует собрание и отыскивает меня — «профессора», как я был представлен на предыдущем мероприятии, что и привело меня к приглашению на это.

— Добрый вечер! — прочистив горло, обращается он к аудитории. — Я — Майкл Саммер. Добро пожаловать на наш вечер поэзии, вечер истинного литературного наслаждения. Сегодня, прежде чем начать, под ваши сиденья я положил по книге стихов.

Дальше я слышу все как сквозь воду. Что значит «положил под сиденья»? Поэзия — это библия слов, не предназначенная для лежания на земле, для того, чтобы ее пачкали и святотатствовали над ней. Поэзия — это история, которую надлежит оберегать; уроки, необходимые для усвоения, путь к изменению нашего общества или отращиванию его от распада и гибели.

А я — ее признанный Мастер; не гений, но тем не менее призван им быть.

Откидываюсь на спинку стула, пригубляя элитный виски — амброзию, которая, как я вижу, звучит диссонансом атмосфере, в которой некто, подойдя к микрофону, одной лишь фразой оскверняет великое наследие Фроста, Шекспира и По. Список можно продолжить, однако слушателей я не виню. Они — всего лишь ученики. А вина лежит на учителе, и этот учитель должен поплатиться. Дальнейшего продолжения роли ему не уготовано, но он послужит определенной цели.

Я допиваю бокал и убираю его в сумку на полу. Единственное, что я исконно оставляю после себя, — это *слова*. Так что решение принято. Сегодня *та самая* ночь. Саммер — именно то, что нужно. Это он даст ей понять, что пришло время исполнить свое предназначение. Подготовить себя, доказать свою состоятельность, пройти испытание. Он тот, кто явит ее мне. Мою безупречную, желанную воспитанницу. Будущую госпожу при Хозяине.

Глава 2

— Детектив Саманта Джаз! — зычно доносится из двери капитана Мура.

Я через стол кошусь на детектива Итана Лэнгфорда, в прошлом моего напарника, а ныне соседа по насесту.

— Лэнг, *ты* что-нибудь вытворил?

Тот смеется раскатистым басом двухметрового здоровья. По службе он не раз протаскивал меня по извивам и ухабам. Опаска, оглядка, «семь раз отмерь» — это все не про него. Его кредо: «Не ходишь по-крупному — делаешь по-мелкому». Вот и сейчас он пожал плечами и ернически хмыкнул:

— Да ничего такого. Не верь поклепам. Все тип-топ.

Я хмурюсь, потому что пикироваться с капитаном — его излюбленный конек. А вот у меня — нет, и тому есть веские причины. Каждая встреча с Муром для меня пробуждает в комнате призрак моего отца — бывшего капитана, которого мы ровно три месяца назад похоронили. Причем не с таким почетом, о каком можно было мечтать. Ушел, что и говорить, не под фанфары.

— Лэнг, я серьезно!

— Да ничего такого, — подмигивая, говорит он. — Ну, из того, что ему следует знать.

Я хлопаю себя по бедрам и вперяюсь в него взглядом Мегеры.

— Да ладно тебе, мозговой трест, — юлит Лэнгфорд. — Ты ж была моложе всех на участке, в двадцать пять лет с самым высоким ай-кью за всю историю... Баллы просто зашкаливали. Что у тебя, на капитана ума не хватит?

— А тебе бы только глумиться, паршивец... Аж тащишься.

— Не без того. Может, он хочет знать, почему тебе уже тридцать два, а ты не сдаешь тест на сержанта.

— Тебе вон сорок, а ты тоже до сих пор не сдал, — подкалываю его я.

— Уж такое я уе...